ТЁН ВАН ДЕЙК

ВОИНСТВУЮЩАЯ РИТОРИКА МЕЛКОГО СОЮЗНИКА: ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИМПЛИКАТУРЫ И ЛЕГИТИМАЦИЯ АСНАРОМ ВОЙНЫ В ИРАКЕ

(Опубликовано: van Dijk, T.A. War Rhetoric of a Little Ally: Political Implicatures of Aznar's Legitimization of the War in Iraq / in T.A. van Dijk. Discourse and power. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2008. pp. 185-210).

Мы рассмотрим некоторые свойства воинствующего парламентского выступления испанского премьер-министра Хосе Мария Аснара в поддержку боевых действий США и их союзников против Саддама Хусейна в 2003 г. Одной из интересных контекстуальных особенностей речей Аснара в Кортесе (см.прим.1) стало то, что они прозвучали вразрез с общественным мнением, когда более 90% населения выступало против несанкционированной ООН войны в Ираке, включая Народную партию самого премьер-министра. Аснар совершенно проигнорировал как крупнейшие демонстрации, когда-либо проводившиеся в Испании (более миллиона человек в одной Барселоне), так и оппозицию в лице всех остальных партий, включая своих сторонников по коалиции, тем самым рискуя потерять много голосов на приближающихся выборах в городской совет в мае 2003 г. Хотя лично он и не выдвигался на переизбрание на следующих общих выборах 2004 г., зачем было премьер-министру таким образом совершать политическое самоубийство, подобострастно следуя за президентом Джорджем Бушем в качестве мелкого военного союзника, которого едва ли кто-то воспринимает всерьёз на мировой арене? Из-за консервативной идеологии, которую он разделяет вместе с нынешней американской администрацией? Из-за истинной обеспокоенности оружием массового уничтожения, которое якобы было у Саддама Хусейна? Или, возможно, с целью заручиться поддержкой Буша в локальном конфликте с террористической организацией ЭТА? В этой главе мы не будем заниматься этими и другими политическими спекуляциями касательно решения Аснара поддержать войну в Ираке, а более конкретно рассмотрим некоторые особенности речей, ставших дискурсным выражением суждений Аснара по общественным вопросам. Я буду рассматривать их на фоне более широких вопросов легитимации государственного насилия в виде войны, особенно после атак на Всемирный торговый центр 11 сентября 2001 г. и международной антитеррористической истерии, которая за ними последовала.

Что более важно, я буду обращать особое внимание на то, что я называю политическими импликатурами речи Аснара, то есть на конкретные политические выводы, которые могут сделать на основе (своего понимания) этой речи и её контекста участники коммуникативной ситуации, например, члены парламента в парламентских дебатах.

Основа моей работы – междисциплинарное направление критического дискурс-анализа (КДА), в котором делается попытка свести социальное измерение проблемы к комплексному исследованию «треугольника» из дискурсного, когнитивного и социального её аспектов (van Dijk, 1993, 2003). Таким образом, в нашем случае мы заинтересованы не только в описании каких-то интересных особенностей политической риторики, но для объяснения их нам требуется связать их с такими социально-когнитивными представлениями, как отношения, нормы, ценности и идеология, например, с теми, которые Аснар разделяет вместе со своей партией, а также с социально-политическим контекстом его речей в современной Испании. То есть, политические дискурсы Аснара и их свойства, в конечном счете, должны рассматриваться не просто как тексты, но также как выражение политического сознания и как политические действия в политических процессах, таких, как партийная пропаганда и принятие решений на государственном уровне в парламенте, а также дипломатия, создание коалиций и политика власти на уровне международном. Это особенно верно для политического дискурса, анализ которого не должен ограничиваться структурными особенностями текста и выступления, но также учитывать их условия и функции в политическом процессе.

Корпус фактического материала для нас составляют четыре выступления Аснара, сделанные им на парламентских сессиях 5 и 19 февраля и 5 и 29 марта 2003 г. Однако, я буду цитировать примеры только из его первой речи от 5 февраля и сосредоточу внимание только на его мнении, проигнорировав в этой главе мнения других политиков и дискурсное взаимодействие в ходе дебатов.

Теоретическая база

Парламентские дебаты

На фоне более ранних работ по КДА в целом и политическому дискурсу в частности, теоретическая основа данного исследования в первую очередь включает в себя структуру и функции политических дебатов. Такие дебаты являются формой институционального вербального взаимодействия, а также специфическим жанром политического дискурса, а их общие свойства могут быть, таким образом, проанализированы на более широкой базе этих категорий дискурса. Как жанр политического дискурса, парламентские дебаты являются частным проявлением глобальной политической деятельности по законодательству, управлению и контролю над правительством. Что ещё более характерно, такие дебаты включают выступления членов парламента и правительства, которые прагматически функционируют с целью представления и легитимации правительственных решений и проектов, поддерживающих правительство или оппозиционных ему. Следовательно, релевантные методы

анализа парламентских дебатов должны основываться на этих глобальных функциях и, соответственно, мы будем исходить из того, что и структуры речей в этих дебатах могут быть описаны как частные действия, направленные на общую реализацию этих глобальных политических функций. Именно на этой основе я буду определять и использовать понятие «политической импликатуры» в дальнейшем.

Парламентские дебаты обладают рядом формальных свойств, которые мне придётся игнорировать в своём анализе, такими, как контроль за выступающими и очерёдностью выступлений со стороны спикера или президента, порядок и смена выступающих согласно членству в правительстве или в оппозиционных партиях, ритуальные формы обращения (напр., 'Su Señoría' на испанском языке) и формальный лексико-синтаксический стиль подготовленных обращений и официальных ответов на предыдущие выступления. Также, поскольку наши данные взяты из официальной записи, в них едва ли сохранились спонтанные формы речи и взаимодействия, такие, как наложения речи одного говорящего на речь другого, поправки, фальстарты и незавершённые предложения.

С политической точки зрения в этом случае более интересны, а в рамках КДА более уместны, семантические и риторические свойства выступления Аснара. Так, в речи, оправдывающей участие Испании в войне в Ираке, мы можем ожидать не только обычные глобальные стратегии легитимации, таких, как юридические, моральные или политические оправдания этого участия, но также и хорошо известные глобальные семантические стратегии положительного представления себя как *Мы* и негативного представления других как *Они*. Как и в случае многих других политических дискурсов после 11 сентября, *Мы* представляет собой западные демократии, которые борются против терроризма «стран-изгоев», а *Они* – это террористы или государства, которые нам угрожают, в нашем случае – конкретно Саддам Хусейн. Такая семантическая поляризация может риторически подчёркиваться обычными средствами, то есть гиперболами и метафорами о хороших качествах *нас* и плохих качествах, которыми обладают *они*.

Хотя существует совсем немного общих семантических ограничений для парламентских дебатов, которые в конечном итоге могут распространяться на многие разные темы, такая общая семантическая стратегия поляризации внутренней и внешней группы является достаточно общей и также зависит от политических функций таких дебатов. То есть, правительства и члены парламентов, которые их поддерживают, обычно представляют свои принципы и действия в положительном свете, а оппозиционные члены парламента, по определению, делают противоположное: отрицательно описывают, выказывают презрение или же подвергают нападкам эти принципы и действия. В своём анализе я просто обобщу некоторые особые формы, которые принимают семантика и риторика выступления Аснара.

Контекстуальные модели

Есть и ещё один фундаментальный аспект парламентских дебатов: контекст. То есть, многие формальные, семантические и риторические аспекты парламентских дебатов не являются специфическими и могут встречаться на других формальных мероприятиях или в другом политическом дискурсе. Это означает, что большинство уникальных свойств жанра политического дискурса контекстуальны: кто говорит и слушает, каковы их роли, какие действия они предпринимают, каковы их намерения и т.д. Как уже предполагалось выше, именно здесь нам следует наблюдать за *политическими* функциями дебатов как взаимодействия между членами парламента, предпринимающими особые политические действия с особыми политическими целями.

Такая формулировка контекстуального аспекта парламентских дебатов, тем не менее, остаётся достаточно нестрогой. Теоретически, здесь необходимо подчеркнуть, что не существует непосредственного взаимоотношения между текстом и контекстом, когда контекст определяется через такие аспекты политической *ситуации*, как члены парламента и их роли, действия и цели. Скорее, контекст может повлиять на то, что люди говорят или понимают, только тогда, когда он определяется как субъективный конструкт, зависящий от участника дискурса. *Не социальная или политическая ситуация сама по себе влияет на текст или речь, но скорее то, каким образом отдельные участники представляют, понимают или каким-либо иным образом конструируют ставшие релевантными для них свойства такой ситуации*. Таким образом, контексты являются не объективными, или «внешними», но субъективными конструктами участников. В терминах современной когнитивной психологии это означает, что контексты – это ментальные модели, представленные в эпизодической памяти, то есть контекстуальные модели. Эти контекстуальные модели управляют многими свойствами порождения и восприятия дискурса: речевыми актами, стилем, выбором лексических средств, форматом, риторикой, семантическими стратегиями и т.д.

Хотя они и уникальны в каждой ситуации общения, представляя собой построение коммуникативной ситуации каждым участником ad hoc, общий формат контекстуальных моделей, безусловно, более всеобъемлющ, хотя и культурно дифференцирован. Членам парламента не нужно всякий раз изобретать стандартные категории той структуры, организующей контекстуальные модели дебатов, в которых они участвуют.

Политические импликатуры

Свойство речи Аснара, на котором я бы хотел заострить внимание, это *политические импликатуры* его выступления. Эти импликатуры должны быть определены в рамках теории контекста, кратко сформулированной выше, то есть в терминах контекстуальных моделей участников с их собственной политической идентификацией, ролями, целями, действиями и убеждениями. Я выбрал термин «импликатуры», а не «импликации» (см.прим.2), поскольку здесь делаются не семантические, а прагматические или контекстуальные выводы. В

речи Аснара, конечно же, есть масса семантических импликаций, например, когда он описывает «плохое» поведение Саддама Хусейна. Большинство из этих семантических импликаций в нашем случае связаны с Ираком и политикой Испании. То есть, они выводятся из темы выступления, а также из наших общих знаний об Испании, терроризме, международной политике, Ираке и т.д. Понимание этих выступлений во многом опирается на такие семантические выводы, которые отчасти являются общими, отчасти носят более личный характер или переменны. Так, когда Аснар в начале своей речи определяет ситуацию в Ираке как «кризис, с которым столкнулось» мировое сообщество, здесь (политическая) импликация заключается в том, что Ирак представляет собой угрозу для «нас».

Импликатуры, с другой стороны, обычно определяется как слабые семантические импликации, или же с точки зрения прагматики – через контекст (Atlas, 2000; Gazdar, 1979; Grice, 1989; Levinson, 2000). Моё употребление этого термина будет ограничено прагматикой контекста, и я, таким образом, буду определять политическую импликатуру как импликатуру, основанную на политическом контексте. Например, когда Аснар подчёркивает, что, несмотря на его поддержку войны в Ираке, его политика миролюбива, он не только делает утверждение о войне в Ираке и своей политике, которое можно анализировать семантически, но это заявление также следует понимать и как защиту правительственной политики премьер-министра, лидера правящей Народной партии, и как реакцию на критику со стороны граждан и оппозиционных партий, и как действие, имеющее политической целью легитимацию весьма спорных решений.

Таким образом, каждый фрагмент его выступления может быть проанализирован ещё и через его функции в текущей политической ситуации – в частности, в пределах парламента на проходящих дебатах, а в целом – в нынешней политической ситуации, например, легитимации собственной политики и делегитимации оппозиции, а также других стратегий.

Политические импликатуры приписываются участникам как производные от трёх различных источников:

1) представления участников о структуре дискурса и её значениях (такие, как ментальные модели ситуации в Ираке);
2) создаваемые участниками контекстуальные модели текущей коммуникативной ситуации;
3) более общие знания участников о политической ситуации в мире и в стране. В приведённых ниже примерах я более подробно покажу, как могут выводиться подобные импликатуры. Делать я это буду более или менее неформальными методами, однако необходимо подчеркнуть, что при более развёрнутом теоретическом описании нам потребовалось бы подробно расписать содержание контекстуальных моделей, как и стратегии умозаключения, которые позволяют участникам – в данном

случае членам парламента – делать те или иные выводы. Те направления в КДА, конверсационном анализе и политическом дискурс-анализе, которые игнорируют когнитивный компонент, вынуждены либо игнорировать такие «ненаблюдаемые» импликатуры, либо сводить их к особенностям дискурса или неопределённым контекстам. Более того, удовлетворительное описание (прагматических) политических импликатур предполагает развёрнутую теорию контекста, что мы вкратце показываем.

То, что такие импликатуры фактически релевантны политическому дискурс-анализу, не только очевидно для участников и аналитиков, обладающих релевантным политическим знанием текущей политической ситуации, но, что характерно, они могут сигнализироваться участниками при реакциях на предыдущие выступления. Это, однако, не является необходимым условием нашего анализа – политические импликатуры могут определяться и косвенно, в последующих интервью участников таких дебатов или другими методами, и не обязательно явно сигнализируются в речи самих участников. Действительно, они, как правило, осознаются и в последующих выступлениях и текстах уже принимаются как пресуппозиции. Последующие комментарии о парламентских дебатах в СМИ часто фокусируются именно на этих невыраженных явным образом политических импликатурах. Политические импликатуры *объясняют*, что говорят участники политического дискурса и почему они это говорят. Они прежде всего определяют фундаментальную политическую точку зрения в парламентских дебатах – в частности, «правительственность» или «оппозиционность», а в более общем смысле – институциональные и политические правила силовой игры, которая разворачивается в парламентах. Путём анализа политических импликатур мы, таким образом, показываем, почему разворачивающийся политический дискурс релевантен для политического процесса.

Методы

В приведённом ниже анализе я выберу ряд характерных фрагментов из речи Аснара, поскольку они обладают типичными хрестоматийными свойствами политического дискурса, такими, как положительное описание группы «свои» и отрицательное описание группы «чужие», а также другими стратегиями парламентских дебатов. Эта подборка и краткая её характеристика показывают, как Аснар участвует в политическом дискурсе, известные структуры и стратегии этого дискурса, особенно в связи с войной в Ираке. В то же время эти примеры и их (в основном семантический) анализ должен помочь в рассмотрении собственно политической проблемы, а именно того, как политические лидеры проводят легитимацию спорных политических решений. Чёткой процедуры исследования таких структур политического дискурса не существует, а, следовательно, нет и процедуры выбора анализируемых фрагментов, кроме тех, которые предсказываются общими теориями политического дискурса и парламентских дебатов в частности.

Помимо этого краткого анализа, мы будем обращать внимание на детали политических импликатур каждого фрагмента, тем самым выявляя их политические функции и рациональные объяснения этих дебатов в испанском Кортесе. Я предполагаю, что именно так члены парламента, как и осведомлённая общественность в целом, воспринимают эти дебаты. Очевидно, полный анализ всех политических импликатур этой речи потребовал бы сотен страниц детального описания, поэтому мы ограничимся небольшим количеством характерных примеров.

Определение ситуации

Многим типам дискурса, таким, как редакторские колонки или выступления в парламентах, присуща вводная схематическая категория, которую можно назвать *определением ситуации*. Эта категория имеет значение для дискурса, основная цель которого – прокомментировать социальную или политическую ситуацию, дать рекомендации по конкретным действиям, оправдать или узаконить те или иные действия. Так, если кто-то хочет объяснить или оправдать свои действия (обычно подвергаемые критике), есть смысл описать такую ситуацию, в которой эти действия выглядят необходимыми, логичными, понятными, неизбежными или приемлемыми по каким-то другим соображениям. Как правило, существуют нормативные акты (и международное право), позволяющие людям и государствам защищаться, когда они подвергаются нападению – и американские политики, учёные и военные оправдывали войну в Ираке именно на этих основаниях (анализ таких форм легитимации см, напр., в Borch и Wilson 2003; а также Nye, 2000; Dinstein, 2001; Rodin, 2002; Chomsky, 2003; Christopher, 2003; Daalder и Lindsay, 2003; Falk, 2003; Newhouse, 2003; Walzer, 2004).

Таким образом, если Аснару требуется защитить свою крайне непопулярную политику в отношении Ирака, ему, прежде всего, необходимо изложить политическую ситуацию, которая делает такую его политику понятной, разумной и законной. Именно это он и делает в первых же словах своего вступления, где определяет ситуацию как кризисную:

(1) El señor PRESIDENTE DEL GOBIERNO (Aznar López): Señora presidenta, señorías, al comenzar el periodo de sesiones, comparezco esta tarde ante la Cámara para informar a SS.SS. de la posición del Gobierno ante la crisis que enfrenta a la comunidad internacional con Irak.

Председатель правительства (Аснар Лопес): *Госпожа председатель, уважаемые господа, в самом начале этой сессии, сегодня, я выступаю перед этим парламентом с целью сообщить его уважаемым членам о том положении, в котором оказалось наше правительство в виду кризиса, связанного с Ираком, который противопоставляет себя мировому сообществу.*

Поскольку политики, парламентарии, и особенно правительства должны принимать меры, когда наступает «кризис», это очень убедительный способ изначально определить ситуацию. В самом деле – ведь и оппозиция, несомненно, описывает текущую ситуацию как кризис, хотя бы в силу надвигающейся войны, которой грозят США и Великобритания. При этом отметим, что в самом первом своём предложении Аснар обвиняет в кризисе не тех, кто его начал своими военными планами, а именно США и Великобританию, а Ирак. Явная политическая импликация этой первоначальной обрисовки ситуации, таким образом, в том, что именно Ирак несёт ответственность за этот кризис, а выбор слова «противопоставлять» (*enfrenta*) в дальнейшем подтверждает то, что «мы» являемся жертвами конфронтации. Во-вторых, кризис представляется не как затрагивающий только лишь правительство Аснара, но как кризис, влияющий на всё мировое сообщество. Такая формулировка и её (нестрогие) импликации – один из способов противостоять аргументам, утверждающим, что это конфликт только по определению США и их союзников, но не мирового сообщества.

Помимо этих (семантических) импликаций в этой речи есть также целый ряд политических импликатур. С самого начала и далее по тексту Аснар показывает, что полностью осознаёт свою позицию, позицию своей партии, а также оппозиции и большинства населения по вопросу об Ираке. Таким образом, в сложившейся ситуации ему крайне важно не только то, чтобы «содержание» его речи стало эффективным инструментом в общей стратегии продавливания его политики, но и чтобы он выглядел хорошим, ответственным партийным лидером и премьер-министром и чтобы у оппозиции, следовательно, не было «аргументов». Так, вместо того, чтобы прямо начать свой доклад с изложения политики испанского правительства по Ираку, Аснар предваряет своё выступление явной дейктической формулой, призванной обрисовать причину самого его «появления» в парламенте.

Такие перформативы могут быть всего лишь более или менее формальными средствами обращения, однако в данном случае они содержат также и особые политические импликатуры: оппозиция (а также СМИ и прочая элита) обвиняли Аснара в том, что он игнорирует мнение парламента и общественности, не информируя их по вопросам правительственной политики в отношении Ирака. Таким образом, сделав своё «появление» и «доклад» открытыми для членов парламента с самого первого предложения, он в политическом смысле намекает на то, что 1) он работает как парламентарий, 2) он прислушивается к мнению оппозиции и народа, и поэтому хороший демократ, 3) предшествующая критика в его адрес больше не актуальна и 4) те, кто формулировал предыдущие критические замечания – например, оппозиционная партия ПСОЭ – не имеют на то оснований. Эти и, возможно, другие политические импликатуры могут рассматриваться как часть контекстуальной поляризации с целью сохранить лицо – т.е. представить себя с положительной стороны, а других – с отрицательной и, конечно же, провести

политическую контратаку.

В то же время, Аснар делает политический намёк на то, что его правительство – это часть «*нас*», то есть принадлежит к внутренней группе под названием «мировое сообщество», а это импликатура, вызывающая целый ряд других политических импликатур. А именно: его политика идёт в ногу с политикой мирового сообщества, и, следовательно, – легитимна, а вот оппозиция, которая не желает вступать в войну (и которая, придя к власти в марте 2004 г., немедленно приняла решение отозвать испанские войска из Ирака) не является частью мирового сообщества и, следовательно, менее легитимна в своих заявлениях. Действительно, следуя политической логике президента Джорджа Буша, можно сделать вывод, что если оппозиция не *с* «мировым сообществом» (т.е. США, Великобританией и некоторыми другими странами), то она против него и, возможно, даже играет на руку врагу, Саддаму Хусейну.

Как предполагалось выше, формулировка этих импликатур делается неформально, но вполне годится для целей данной главы. Более формальное описание потребовало бы экспликации точных контекстуальных моделей Аснара и членов парламента, чтобы можно было показать, как исходные политические знания, представление ситуации и ментальная модель, представляющая семантическую интерпретацию данного фрагмента в совокупности, дают информацию, необходимую для вывода правильных политических умозаключений.

После этой вступительной, а, следовательно, тематически глобальной, обрисовки ситуации (как в заголовке газетной статьи) и её общих контекстуальных импликатур, Аснару необходимо представить специфику ситуации кризиса и дальнейшие аргументы, которые позволили бы ему, во-первых, определить ситуацию как кризисную, а во-вторых, объяснить позицию его правительства в этой критической ситуации. Именно это он и делает, теперь уже явно приписывая вину в создании кризиса Ираку:

(2) La crisis es consecuencia del reiterado incumplimiento por parte de Irak de sus obligaciones internacionales y de las resoluciones del Consejo de Seguridad de las Naciones Unidas.A poco que hagamos memoria, vemos que no es más que un nuevo episodio del problema surgido en 1990, cuando el régimen iraquí invadió Kuwait. (Rumores)

Этот кризис – следствие систематических отказов со стороны Ирака выполнять международные обязательства и резолюции Совета Безопасности ООН. Не трудно увидеть, что это – ещё один эпизод проблемы, которая возникла в 1990 г., когда иракский режим вторгся в Кувейт. (Шум в зале).

Отметим, что здесь Аснар идёт гораздо дальше простых обвинений Ирака в создании кризиса. Помимо прочего, он говорит, делает и имплицирует следующее:

а) Приписывая отказам Ирака атрибут «систематические», он

семантически акцентирует серьёзность отказов, а, следовательно, серьёзность кризиса, тем самым создавая основу для дальнейших обвинений в адрес Ирака и легитимации войны. Такой риторический акцент предполагает нормативный или юридический вывод о том, что если отрицательное действие (такое, как отказ выполнять договорённости) не является непреднамеренным или исключительным и происходит не в первый раз, то его систематичность делает его преднамеренным и отягчает вину нарушителя.

б) Указывая на международные обязательства и Совет Безопасности ООН, он подчёркивает, что Ирак отвергает высшую в мире власть и более ранние официальные резолюции. Опять же, этим акцентируется «официальная» вина Ирака, а заодно и легитимность, если не обязательность, осуждения Ирака и принятия против него решительных мер.

в) Во втором предложении Аснар ссылается на первую войну в Персидском заливе, в которой агрессия Ирака (Саддама Хусейна) была очевидна из-за вторжения в Кувейт. Называя текущую ситуацию продолжением того вторжения, Аснар делает политический намёк, как минимум, на два других обстоятельства: что Ирак, несмотря на то, что он теперь не вторгается в другие страны, всё равно виновен в провокации международного кризиса и, во-вторых, что сейчас, как и в 1990 г., международные (военные) действия против Ирака законны. То, что эту импликацию поняли, но отвергли как причину легитимации новой войны, очевидно по протестам со стороны других членов парламента, здесь обозначенным как «шум в зале» (*rumores*) в стенограмме журнала сессионных заседаний.

Это дальнейшее определение ситуации как кризиса, спровоцированного Ираком, одновременно подчёркивает серьёзность кризиса и вину Ирака, бросающего вызов высшей власти в мире. Достигается это путём ассоциации себя с этой властью (Совет Безопасности ООН), что в итоге направлено на легитимацию международной акции против Ирака, который систематически не выполнял требования ООН ещё с момента вторжения в Кувейт.

Другими словами, первоначальное определение ситуации заключается в том, что Аснар тщательно формулирует её таким образом, чтобы она соответствовала его собственной политике. То есть, в его речи даётся не только описание международного кризиса, но и формулируется оно таким образом, что ментальная модель события, которую это описание выражает и передаёт, получается именно такой, какая выгодна Аснару для убеждения парламентариев. В то же время импликации такой обрисовки дают целый ряд аргументов в пользу легитимации политики Аснара, позволяя ему: обрисовать текущую ситуацию как кризис; обвинить Ирак в том, что он не согласен с решениями Совбеза ООН и, следовательно, нарушает международные резолюции; обрисовать эти нарушения как продолжение агрессии со стороны Ирака и, следовательно, легитимность отпора Ираку путём военного вторжения, как в случае с войной в Персидском Заливе. В самом деле, поскольку диктаторов в мире много, сам факт угнетения Саддамом Хусейном иракского народа не является поводом для легитимации войны против него на международном

уровне. Поэтому просто необходимо выдвинуть любое свидетельство или аргумент, на основании которого его можно признать виновным в нарушении именно международных законов либо же обрисовать его нынешнюю политику как аналогичную той, которая ранее привела к (оправданной) войне.

Мы видим, что Аснар в своей речи тщательно придерживается этой тактики легитимации. Хотя все эти импликации и являются лишь способами узаконить его собственную политику на государственном уровне, они в то же время носят международный характер по кругу затрагиваемых вопросов и перекликаются с импликациями внешней политики США и Великобритании.

Но Аснар не просто солидаризируется с Бушем и Блэром – в парламенте ему необходимо защитить такую политику от жесточайшей оппозиции, а во всей Испании – от практически единодушного общественного презрения. Это означает, что нам необходимо также сделать из его выступления политические выводы, касающиеся его отношений с парламентской оппозицией и общественным мнением, то есть в терминах контекстуальных импликатур. Другими словами, Аснар не просто говорит об Ираке или о политике своего правительства – ему также нужно проявить свою власть в парламенте и в стране. Он делает это имплицитно, путём поляризации, согласно которой себя он ассоциирует с «хорошими парнями», а тех, кто противостоит войне – со сторонниками Саддама Хусейна, врагом. Опять же, этот ход – часть идеологической стратегии положительного представления себя и отрицательного представления другого. Поступая так, он не только оправдывает свою политику, но также объявляет неоправданной политику тех, кто противостоит войне, в особенности оппозиционных политических партий, таких, как ПСОЭ (Испанская социалистическая партия). Как и предполагалось выше, такие политические импликатуры выводимы из общих знаний о политике и контекстуального понимания текущей политической ситуации, например, в Испании. Цепочку политических выводов в этом случае можно представить приблизительно так:

- Я делаю то, что мне полагается делать по правилам.
- (Следовательно) Я выполняю свою работу премьер-министра.
- (Следовательно) Я соблюдаю правила нашей демократии.
- (Следовательно) Я демократ.
- (Следовательно) Я хороший политик.
- (Следовательно) Нет оснований (в данном случае) критиковать меня и моё правительство.
- (Следовательно) Критика оппозиции (или других) необоснованна.
- (Следовательно) Оппозиция плохо справляется со своей работой.
- (Следовательно) Оппозиция – это нехорошо.

Эмпирически эти выводы обеспечиваются в ситуации, когда они соответствуют тому, как компетентные участники политического дискурса в действительности понимают утверждения Аснара – и это понимание может выражаться в реакции на его речь.

Положительная самопрезентация

Как мы уже увидели на примере Аснара, выступающие предпочитают описывать себя с положительной стороны. Эта тенденция – часть хорошо изученной социокогнитивной стратегии взаимодействия – представлять себя в положительном свете или, как минимум, избегать отрицательных образов и в целом производить впечатление на наших собеседников. То же самое справедливо и для большинства форм общественного дискурса, где хорошее впечатление может быть даже более важным, чем в неформальном повседневном общении, например, по причине более сильного воздействия на большую аудиторию, а также ввиду возможного ущерба для профессиональной или политической репутации, который может стать следствием «неправильного» представления Себя. Это особенно важно в политике, где в первую очередь оппозиционные политики, а также СМИ и косвенно широкая общественность воспринимают сообщения критически, и где неосторожный шаг может стоить голосов на следующих выборах. Следовательно, мы можем ожидать, что Аснар также будет прибегать к многочисленным и разнообразным формам положительной самопрезентации, особенно учитывая сокрушительную критику его позиций по вопросу Ирака, поступившую из СМИ и большинства других политических партий, как и от основной массы населения в целом. Вероятно, мало по каким вопросам, выносившимся на дебаты в Испании в последнее время, критика оппозиции проникала так глубоко. Другими словами, Аснару требовалось серьёзно поправить свой имидж. Давайте рассмотрим некоторые из его ходов в этом направлении. Вот первый пример, в самом начале выступления:

(3) Esta comparecencia continúa la información proporcionada a SS.SS. por el gobierno anteriormente. En concreto, el Gobierno ha informado sobre la situación de Irak por medio de la comparecencia de la ministra de Asuntos Exteriores en un total de cinco ocasiones, la última el viernes pasado ante la Comisión correspondiente.Yo mismo he comparecido para dar cuenta de la posición del Gobierno en otras dos ocasiones. El Gobierno también ha contestado por escrito a diversas preguntas que se le han formulado sobre la cuestión. A la comparecencia de hoy seguirán otras mías o de los ministros de Asuntos Exteriores y de Defensa, en función de los acontecimientos y según la forma que requiera la evolución de esta crisis, conforme al Reglamento de la Cámara.

Я представляю ту информацию, которую уважаемые господа парламентарии могли и раньше получить у правительства. В частности, правительства предоставляло эту информацию о ситуации в Ираке в виде пяти презентаций министра иностранных дел – последняя такая презентация для соответствующего комитета была в минувшую пятницу. Я сам дважды выступал здесь с отчётом о позиции правительства. Правительство также дало письменные ответы на ряд вопросов по данной проблеме. За нынешней презентацией последуют другие, которые буду делать я сам либо министры иностранных дел и обороны, в зависимости от событий, связанных с развитием кризиса, и в соответствии с правилами, принятыми в парламенте.

Зачем Аснару понадобилось приводить столько подробностей его регулярных «появлений» в парламенте? Вполне очевидный ответ находится в связи с (предполагаемой) критикой со стороны оппозиции, а именно в том, что Аснар, в отличие от Тони Блэра, практически *не* пытался объяснить или оправдать свою политику в отношении Ирака и тем самым выказывал надменность по отношению к оппозиции, выступавшей против военного решения проблемы. То есть, чтобы показать, что он не надменный, а наоборот демократ, прислушивается к людям и следует (как он прямо заявил) правилам, принятым в парламенте, он подчёркивает своё согласие с правилами демократии. Ему не надо прямо заявлять, что он демократ и всецело уважает пожелания парламента – этот пассаж с политической точки зрения имплицирует все эти значения для политически подкованной аудитории. В каждом моменте своего выступления Аснар тщательно взвешивает возможные политические импликации того, что он говорит, подчёркивая те места, которые показывают, что он (или его партия) подчиняется основным политическим требованиям демократии, а также более общим нормам и ценностям. А вот те элементы его выступлений и политики в целом, которые могут быть истолкованы отрицательно, он оправдывает или не заостряет на них внимание, тем самым стремясь избегать отрицательного впечатления или оспорить его причину.

По всему выступлению Аснар использует много разных форм положительной самопрезентации. Рассмотрим некоторые примеры:

(4) El Gobierno, señorías, desea la paz y está trabajando activamente para asegurarla. (p. 11250)

Правительство, уважаемые господа, желает мира и активно работает над его обеспечением (с. 11253).

(5) España ha mantenido siempre una actitud constructiva en el conflicto de Oriente Medio. (p. 11253)

Испания всегда придерживалась конструктивного отношения к конфликту на Среднем Востоке

(6) Señora presidenta, señorías, soy bien consciente de que lo que esta tarde tratamos en la Cámara es algo que afecta de manera profunda a los sentimientos, también a las convicciones y también, por supuesto, además, a la razón. Siento el mayor respeto por todas las posiciones que se puedan manifestar en esta sesión… (Rumores). (…) Nadie tiene el monopolio de la razón, como nadie tiene el monopolio de los buenos sentimientos. Comprendo que lo que tratamos son decisiones difíciles y que ninguno querríamos estar en la situación que estamos.

Госпожа председатель, уважаемые господа, я прекрасно понимаю, что тот вопрос, который мы разбираем сегодня в этом парламенте, глубоко трогает наши чувства,

убеждения и конечно наши умы. Я выражаю глубочайшее уважение ко всем точкам зрения, которые могут быть выражены на этой сессии… (Шум в зале). (…) Никто не обладает монополией на разум, как никто не обладает монополией на чувства. Я понимаю, что сейчас у нас трудная сессия и что никто не захотел бы оказаться в той ситуации, в которой оказались мы с вами.

Здесь представлены три различных типа самопрезентации, а именно, когда выступающий говорит от лица своей группы или организации (здесь – правительства), как в примере 4, когда выступающий говорит от лица своей страны (пример 5) и когда выступающий говорит от своего лица, как в последнем и наиболее значимом примере. В то время как первые два типа самовосхваления типичны для политики, последний носит личный характер и направлен на то, чтобы подчеркнуть доброту характера выступающего. Во всех случаях эти формы поздравления самого себя интерактивны и отвечают на реальные или возможные проявления критики со стороны оппонентов Аснара – по мере их оценки политического контекста его выступления. Пример 4 наиболее показателен. Поскольку Аснара и его правительство многие обвиняли в разжигании войны, ему нужно подчеркнуть, что он и его правительство (конечно же) стремятся к миру – самоочевидная и хорошо известная догма, широко используемая даже для легитимации войн и агрессий и являющаяся частью общей стратегии позитивной самопрезентации и негативной презентации другого: *Мы* мирные люди и просто защищаемся, а вот *Они* – агрессивные и хотят войны.

Дальше мы увидим, что в этом и многих других фрагментах Аснар, тем не менее, добавляет, что это должен быть «безопасный мир».

Второй случай более общий и является ответом на реальную или предполагаемую критику по поводу того, что, поддержав США в войне против Ирака, Испания может утратить доверие арабских государств. Третья форма самопрезентации, которую также можно описать как первую часть (сложного) опровержения, а именно – в форме открытого сочувствия, направлена на то, чтобы показать: он не жестокосердный государственный политик, который пренебрегает чувствами, мнениями и доводами всех тех, кто выступает против войны – а это, ни много, ни мало, подавляющее большинство населения Испании и все политические партии, представленные в парламенте, кроме его собственной. Пренебрежение к этим чувствам и убеждениям позволит сделать вывод не только о том, что у него самого нет чувств и сострадания, но и о том (и это, возможно, более важно), что он не демократ, поскольку не рассматривает мнения всех тех, кто против войны. Действительно, уважение – одна из главных ценностей как в повседневной коммуникации, так и в политике. Важно то, что он подчёркивает эти характеристики, особенно перед лицом настойчивой критики со стороны других политиков, СМИ и большей части населения в том, что его военная политика не учитывает мнения подавляющего большинства людей в Испании. В последней части примера 6 он продолжает этот важный

фрагмент выступления догмой о равенстве, сформулированной в виде повторяющегося отрицания и параллельных конструкций с целью усиления воздействия. Эту часть также можно интерпретировать как часть стандартного опровержения, а именно – как явную уступку («Возможно, я ошибаюсь, но…»), однако с учётом политического контекста интерпретация скорее должна быть такова, что Аснар считает: «добрые чувства» испытывает не одна только оппозиция. Однако, в дальнейшем своём выступлении Аснар пренебрегает этими чувствами «сострадания» и просит об «ответственной» (а, следовательно, неэмоциональной) поддержке своей политики. Таким образом, все его положительные шаги в этом направлении можно интерпретировать как первую часть затяжного опровержения. Действительно, как и предполагалось, в другом пассаже, направленном на положительную самопрезентацию, а заодно и легитимацию своей политики, Аснар добавляет, что «жёсткий и решительный» ответ Саддаму Хусейну – это и есть «ответственная» политика, поскольку только так можно наилучшим образом служить интересам Испании:

(7) [La posición] . . . que le corresponde tomar a un gobierno español que atienda a los intereses permanentes de nuestro país. (p. 11254)

[*Позиция,*]…*которую должно занять испанское правительство, озабоченное вечными интересами нашей страны* (с. 11254).

(8) Creo sinceramente que hoy estoy cumpliendo lo que reclamé cuando encabezaba la oposición, lo que me comprometí al ser elegido presidente del Gobierno, lo que creo más razonable y lo que creo que conviene mejor a España y a los españoles.

Я искренне убеждён, что я делаю то, чего требовал ещё возглавляя оппозицию и чему я посвятил себя, когда был избран председателем правительства; то, что я считаю наиболее разумным и правильным для Испании и испанцев.

Обратим внимание, что в этих примерах, взятых из заключительных слов его речи, перед тем, как поблагодарить председателя Кортеса, он интересным образом сочетает различные формы положительной самопрезентации, такие, как панегирик своему правительству с упором на личный вклад, разумность и откровенность. С политической точки зрения особенно релевантным является, конечно же, заявление о том, что политика его правительства – это благо для страны. Однако, с личной и коммуникативной точек зрения важнее то, что он представляет себя заслуживающим доверия и честным политиком.

Анализ этих примеров – это не просто очередная иллюстрация известной стратегии положительной самопрезентации, и её функций в политических выступлениях. Моя точка зрения, и основной довод этой главы, заключается в том, что неформальный анализ различных типов положительного представления себя и работы на имидж, представленные выше, проливают свет на целый ряд политических импликатур, которые нельзя подвергнуть простому

семантическому анализу, так как они предполагают на глобальном уровне детальные *контекстуальные* знания текущей политической ситуации в Испании и мире (иракский кризис), а на частном уровне – также коммуникативной и политической ситуации в Кортесе на момент произнесения им речи. Существует множество способов и уровней «понимания» его речи, но с политической точки зрения уместно будет учесть политические интересы Аснара и то, каким образом каждый ход в его выступлении также выполняет особую функцию в политическом процессе. Эти функции, хотя они релевантны и осознаются всеми осведомлёнными участниками дискурса, редко получают эксплицитное выражение и включены в политические импликатуры, которые участники выводят из каждого момента политического выступления.

Негативная репрезентация других

В политическом или ином идеологизированном дискурсе положительная саморепрезентация обычно сочетается с отрицательной репрезентацией или умалением заслуг другого по принципу известной психологической поляризации «свой – чужой». Так, в выступлениях, которые нацелены на оправдание или легитимацию войны, унижение противника является исключительно важным, как мы видели в выступлениях Буша, Блэра и их сторонников. Хотя поначалу Саддам Хусейн рассматривался и пользовался поддержкой как сторонник (например, против Ирана), с момента оккупации Кувейта он стал повсеместно изображаться любимым злодеем Запада – как в политике, так и в СМИ (Martín Rojo, 1995). Поэтому нет ничего удивительного в том, что с внезапным возникновением интереса Буша и К° к «странам-изгоям» и «международному терроризму» после атак 11 сентября Садам Хусейн быстро стал негодяем номер один, когда не удалось быстро поймать Усаму Бен Ладена. Это и другие фоновые события и попытки легитимации войны против Ирака, конечно, тоже обыгрываются в дискурсах союзников США, а именно Великобритании и Испании, и мы, соответственно, можем ожидать, что Аснар будет активно унижать Саддама Хусейна в своих выступлениях. Более того, эти аргументы сильны не только тем, что Хусейн безусловно был диктатором, жестоко угнетавшим народ Ирака, но и тем, что их вряд ли стала бы оспаривать левая оппозиция, которая с такой формулировкой вполне согласна. Таким образом, публичная порка Саддама вполне согласуется с гуманистическими, левыми взглядами, и поэтому является замечательной тактической уловкой. Если война против Саддама Хусейна и не была в строгом смысле легальной, то имелся, по крайней мере, хороший аргумент для оправдания её с чисто гуманистических позиций. Однако, как мы знаем, чтобы не нарушать международных конвенций, было решено официально мотивировать войну угрозой оружия массового уничтожения, а не диктатурой Саддама Хусейна или нарушением прав человека – этот аргумент мог применяться ко многим другим странам и диктаторам.

Отсюда неудивительно, что Аснар подчёркивает отрицательные характеристики врага, Саддама Хусейна, например, в следующем пассаже:

(9) El de Sadam es un régimen de terror que no ha dudado en emplear armas de destrucción masiva en las guerras que ha promovido contra sus países vecinos y contra su propio pueblo.

Режим Саддама – это режим страха, который без колебаний применил оружие массового уничтожения в войне, которую вёл против соседних стран и против собственного народа.

Анализ этого и других пассажей соответствует проведённому ранее анализу политической риторики в целом и по Саддаму Хусейну в частности, и мы не будем на нём задерживаться. Так, мы находим здесь привычные формы гиперболы, крайности в формулировках и характерный набор лексических единиц (таких, как '*terror*', '*armas de destrucción masiva*' (см.прим.3)) наряду со многими другими формами отрицательной характеристики лица или группы лиц.

Основная цель данной главы – не простое описание политической риторики и способов легитимации, а изучение контекстуальных функций таких стратегий в нынешней политической ситуации и политическом процессе. Почему *сейчас* политически уместно и важно повторять и подчёркивать то, что Садам Хусейн – это очень плохой парень? В конце концов, здесь нет особого противоречия с оппозицией или общественным мнением в целом, поэтому, вроде бы, и нет смысла по этому вопросу спорить и кого-то убеждать. Так каковы же политические импликатуры унижения Аснаром Саддама Хусейна в данном случае? Выпишем некоторые из них:

- Если социалистическая оппозиция (прежде всего ПСОЭ) не хочет воевать против Саддама Хусейна, то она, фактически, играет на руку Саддаму Хусейну. Все мы знаем, что он – жуткий диктатор, но оппозиция, тем не менее, его поддерживает – даже вопреки интересам населения Ирака.Это явно не соответствует гуманистическим и общественным ценностям, провозглашаемым (социалистической) оппозицией. Так что, не поддерживая войну против Саддама Хусейна и, соответственно, нашу политику, социалистическая оппозиция предаёт собственные принципы, следовательно, ей доверять нельзя.

- С другой стороны, поскольку Аснар желает поддержать коалицию, стремящуюся разгромить такого ужасного диктатора, как Садам Хусейн (потому что он представляет опасность для всего мира и для своего собственного народа), он выполняет свои обязанности как ответственный премьер-министр.

- Описывая и подчёркивая такие характеристики Саддама Хусейна так, как они уже были освещены Соединёнными Штатами – такие, как вторжение в Кувейт, прежние нарушения резолюций ООН, якобы имеющееся оружие массового уничтожения и связи с террористическими организациями – Аснар указывает на связи своего правительства и партии с мощным союзником.

Это уже само по себе может рассматриваться как легитимная политика, но это также показывает политическое «фамильное сходство» Буша и Аснара как дружественных политиков-консерваторов. По той же причине гораздо меньший акцент делается на серьёзные нарушения прав человека со стороны Саддама Хусейна – это было бы более типично для оппозиции.

- Подчёркивая опасность «для всех нас» от возможного использования террористами оружия массового уничтожения, полученного якобы благодаря их связям с Саддамом Хусейном, Аснар выказывает законную озабоченность ответственного лидера и в то же время намекает, что оппозиция такой озабоченности не проявляет и, следовательно, пренебрегает своей ответственностью перед обществом.

Конечно, можно сформулировать и некоторые другие импликатуры, но суть ясна: то, что Аснар говорит о Саддаме Хусейне, имеет мало общего с его личным или «настоящим» мнением о диктаторе. Скорее это связано с общей стратегией легитимации войны против такого тирана. Политические импликатуры такого отрицательного представления другой стороны (диктатора), таким образом, является также способом положительного представления своей позиции и политики, а, следовательно, политики его партии и правительства и в то же время унижением политики оппозиции. Детальное негативное описание ужасных нарушений прав человека Саддамом Хусейном не удовлетворило бы требованиям политических функций: они бы не совпали с основными аргументами США, противоречили бы международным нормам (которые не позволяют устранять ужасных диктаторов) и слишком сильно совпадали бы с отношением оппозиции. Действительно, могли бы начаться неудобные вопросы о том, почему раньше США поддерживали Саддама Хусейна – например, поставками отравляющего газа и других вооружений – когда этот диктатор был их союзником против Ирана. Другими словами, негативная презентация другой стороны в политическом дискурсе – это не просто описание плохого парня, а политически уместная подборка и выделение релевантных на данный момент «плохих» черт, которые необходимо выявить в дискурсе. Анализ политических импликатур проясняет такие тонкие «тактические» обоснования.

Мир, безопасность и терроризм

Лозунг Аснара в этих дебатах, в обобщённом смысле, звучит как *paz y seguridad*, мир и безопасность, и этот лозунг повторяется в разных формах по ходу его выступления, как в следующих примерах:

(10) Primero, el Gobierno está trabajando por restablecer la paz y la seguridad. El interés del Gobierno es obtener una situación de paz con seguridad.

Во-первых, правительство работает над восстановлением мира и безопасности. Интерес правительства в том, чтобы достичь мира и безопасности.

(11) Desearía que convinieran conmigo en que una postura firme y resolutiva para desarmar a Irak en un plazo inmediato es lo responsable, lo lógico e inteligente

para las aspiraciones de paz y seguridad de la comunidad internacional, que también son las de nuestro país.

Мне бы хотелось, чтобы вы согласились со мной в том, что жёсткое и решительное отношение к разоружению Ирака в кратчайшие сроки – единственное ответственное решение, наиболее логичное и разумное для достижения мира, которого ожидает международное сообщество, в том числе и наша страна.

Первая часть двойного выражения соответствует основным ценностям и разделяется большинством оппонентов Аснара, даже если они не совсем пацифисты, а выступают только против *этой* войны. Это практически неприступная ценность, цель и принцип. Однако, интересным этот лозунг делает именно комбинация со вторым понятием, и это характерно для консервативного правительства, как и в вопросе об иммигрантах, и вполне соответствует аналогичным лозунгам в США и Европе: безопасность стала ключевым словом в политике после 11 сентября, даже в тех областях, которые не имеют особого отношения к терроризму. Во многих странах гражданами манипулируют, заставляя их верить в то, что общество становится всё более небезопасным и мобилизуя их на поддержку какого-нибудь драконовского урезания их гражданских прав. И правительства, и СМИ очень избирательно (и с благодарностью) фокусируют внимание на терактах, непрерывно поддерживая в людях страх. То, что гораздо больше граждан гибнет от других причин, которых можно было бы избежать с гораздо меньшей затратой средств и ограничением свободы, в таких воинственных идеологиях, конечно же, не рассматривается. Таким образом, если мы прочитаем этот лозунг так, как его следует понимать – *Мир,* ***но*** *безопасность* – то он сразу принимает более прозрачную форму известного опровержения, явной уступки, в которой первая часть удовлетворяет стратегии положительной самопрезентации («мы хотим мира», «мы мирные»), что сравнимо с известным приёмом в опровержениях расистов («мы не расисты»). И тогда наиболее важная вторая часть становится наиболее существенной целью дискурса, совпадающей с общей стратегией известного текста на тему безопасности и разговора о состоянии национальной безопасности в целом. Дальнейший анализ того, каким образом терроризм служит Бушу, его партии, бюджету Пентагона, урезанию гражданских свобод и особенно бизнесу, связанному с войной и обеспечением безопасности, здесь не нужен. Такой анализ уже был сделан многими другими авторами.

Помимо общесемантического и политического анализа этого опровержения, нам также важны политические импликатуры этого лозунга: как это служит Аснару здесь и сейчас? И здесь мы снова становимся свидетелями того, что фундаментальная контекстуальная стратегия заключается в положительной самопрезентации перед публикой или избирателями в целом с одной стороны и унижением оппозиции – с другой стороны. Так же, как «Закон и порядок» является лозунгом борьбы с преступностью и подчёркивает внедрение консервативных ценностей, «Мир и безопасность» вызывает чувство

страха у людей, ощущающих опасность и нуждающихся в сильном правительстве, которое в первую очередь удовлетворит фундаментальную потребность в безопасности. Аснар, Буш и Блэр знают, что большинство граждан – как и они сами – не очень-то беспокоятся в повседневной жизни о том, что происходит в Ираке или на Среднем Востоке, не озабочены оружием массового уничтожения и, возможно, даже войной в какой-то другой части света. Следовательно, чтобы сделать силовую политику и войну легитимной, важно воспользоваться таким неопределённым и общим понятием, которое имело бы значение для многих людей: ощущение опасности и безопасности. В примере (10), таким образом, лозунг заключается не в том, что Аснар и его правительство просто хотят мира и безопасности, но что они активно занимаются их обеспечением ('*trabajando*'). В то же время, отсюда выводится политическая импликатура: если оппозиция хочет только мира, она не предлагает того, что людям нужно больше всего – безопасности. Таким образом Аснар имплицитно может дисквалифицировать левую оппозицию как обычных пацифистов.

Эти импликатуры функционируют и на местном уровне – то есть, они релевантны в политическом контексте Испании – когда Аснар косвенно, а иногда и прямо, связывает Ирак и Саддама Хусейна с международным терроризмом, а международный терроризм с местными террористами из ЭТА. Мир в таком контексте может быть не очень подходящим термином, а вот безопасность – безусловно. Другими словами, лозунг одновременно выполняет политическую функцию как способ подчеркнуть положительную роль консервативного правительства в борьбе против ЭТА, что показывают и другие пассажи из выступления Аснара:

(12) … este Gobierno ha querido desempeñar un papel activo en esta crisis internacional pensando en la nueva amenaza que hoy supone el terrorismo, especialmente si tiene a su alcance medios de destrucción masiva.

… наше правительство желает сыграть активную роль в этом международном кризисе, осознавая новую угрозу, которую представляет собой терроризм в наши дни, особенно когда он имеет доступ к оружию массового уничтожения.

(13) … el Gobierno entiende que hay un riesgo gravísimo y un vínculo amenazador entre la proliferación de armas de destrucción masiva y el terrorismo. Sé bien que no es agradable precisar estos riesgos, pero sé muy bien que no estamos hablando, señorías, de ninguna fantasía. No son hipótesis de ciencia ficción. Hemos visto hace pocos días en Londres y también, por desgracia, en Barcelona que hay grupos terroristas dispuestos a atacar causando el mayor daño y destrucción posibles y que cuentan con sustancias que podrían causar centenares, si no miles, de muertos. Después del 11 de septiembre ningún gobernante responsable, ante su conciencia y ante su país, puede ignorar esta realidad.

… правительство понимает, что есть очень серьёзная опасность и угрожающая связь между распространением оружия массового уничтожения и терроризмом. Мне хорошо

известно, что определять эту опасность крайне неприятно, но мне также известно и то, что мы говорим не о каких-то фантазиях. Мы уже видели несколько дней назад в Лондоне и, к сожалению, в Барселоне, что существуют террористические группы, готовые к нападению с причинением максимального ущерба и разрушений и которые располагают веществами, способными убить сотни, если не тысячи, людей. После 11 сентября ни один ответственный лидер не может игнорировать эту реальность перед лицом собственной совести и собственной страны.

(14) La lucha contra el terrorismo es el principal objetivo, apoyado por las fuerzas parlamentarias, de la política exterior española. Hemos impulsado la lucha contra el terrorismo y contra la proliferación de armas de destrucción masiva en nuestras relaciones bilaterales y en todos los foros internacionales.

Борьба с терроризмом при поддержке парламентских сил – основная цель международной политики Испании. В наших двусторонних отношениях и на всех международных форумах мы настаивали на борьбе с терроризмом и распространением оружия массового уничтожения.

(15) España ha impulsado con toda sus fuerzas estas políticas y vemos con satisfacción cómo la lucha contra estas lacras ha escalado posiciones en la agenda de la comunidad internacional hasta convertirse en objetivo básico de ésta. Sabemos que ello nos ayudará – ya lo está haciendo – en nuestra lucha contra el terrorismo de ETA y creemos que es un deber específico de España ofrecer su cooperación a otros países señalados por el terrorismo. Creo que la pasividad ante estas nuevas amenazas es nuestro mayor peligro.

Испания энергично проводит такую политику, и мы с удовлетворением видим, как борьба с этой чумой стала приоритетом в международной политике и даже её основной целью. Мы знаем, что это поможет нам – и уже помогает – в нашей борьбе против террористов ЭТА и убеждены, что особый долг Испании – предложить своё сотрудничество другим странам, подвергшимся нападениям террористов. Я убеждён, что пассивность перед лицом этой новой угрозы представляет для нас наибольшую опасность.

Эти примеры едва ли нуждаются в контекстуальном и политическом анализе. Международный терроризм стал основным аргументом политики безопасности Буша, Аснара и других лидеров, особенно в связи с оружием массового уничтожения. Но, хотя для них одного этого достаточно, чтобы оправдать начало войны, Аснару на местном уровне нужно нечто большее. Поэтому он систематически подчёркивает важность своей политики для страны, выстраивая связь с местными террористами ЭТА. Поскольку население в целом, как и социалистическая оппозиция, в основном согласны бороться против ЭТА, совершающей политические убийства, Аснар стратегически использует этот аргумент, чтобы поддержать более широкую, международную борьбу с расизмом (см.прим.4), утверждая, что это будет иметь значение и для страны. То, что международный терроризм и тем более Ирак не имеют никакого отношения к акциям ЭТА для данного аргумента, конечно же, иррелевантно, и

поэтому используется общее понятие «терроризм» – известный приём амальгамации. Другая политическая импликатура – обвинение оппозиции в несостоятельности: если вы против терроризма ЭТА, вы должны также активно бороться с международным терроризмом. В последнем предложении фрагмента 15 он фактически делает свою импликатуру несколько более явной: опасность состоит в *бездействии*.

Интересно, хотя и типично то, что благодаря известному приёму конверсии главной проблемой для Аснара становится не терроризм, а пацифизм. Наконец, отметим, что тема борьбы с терроризмом, таким образом, превращается в стандартный аргумент, не нуждающийся в дальнейших доказательствах, то есть в догму, которую можно применять в любом споре, например, для увеличения оборонных расходов, вступления в войну и урезания прав человека - всё для того чтобы обеспечить безопасность.

Когда международный терроризм всё же нанёс удар по его стране годом позже, 11 марта 2004 г., взорвав поезд в Мадриде, в результате чего погибло 190 человек, Аснар вроде бы получил нужное ему «доказательство» – а именно то, что международный терроризм является проблемой и для Испании. Однако, по иронии судьбы и по тем же причинам, которые упоминались выше – мнимая амальгама международного («исламского») терроризма и терроризма ЭТА – Аснар поначалу хотел убедить СМИ и население в том, что эти атаки были совершены ЭТА с явной целью укрепить свою агрессивную политику, направленную против ЭТА, и получить голоса избирателей. Однако население и СМИ не поддались на такую явную манипуляцию за два дня до национальных выборов и проголосовали против премьера. Тем не менее, независимо от общественного мнения, важно уже то, какие импликатуры мы можем вскрыть в выступлении Аснара от 5 февраля. А именно, мы выясняем, что всегда необходимо увязывать внешнюю и внутреннюю политику и стратегию с целью получить голоса избирателей и опорочить политических оппонентов. Отсюда и связь с ЭТА, и упор на *национальную* безопасность и чувство спокойствия граждан. Фактически, это в основе своей та же самая стратегия, к которой прибегал Буш в США для легитимации войны против Ирака.

Другие стратегии

Этими примерами политической риторики Аснара мы не только показали некоторые общие свойства политического дискурса и стратегии легитимации, такие, как положительная самопрезентация и отрицательная презентация другой стороны, но также некоторые принципы, лежащие в основе контекстуальной интерпретации такого дискурса в виде политических импликатур. Прочие стратегии и тактические ходы в речи Аснара функционируют аналогичным образом, и поэтому их можно обобщить кратко.

Интернационализм

Аснар систематически ссылается на ООН и мировое сообщество, прежде всего, с целью узаконить войну и свою поддержку её как благотворное явление для всего мира, который, по словам Буша, Блэра и К°, будет «безопаснее без

Саддама Хусейна», а во-вторых, чтобы скрыть тот факт, что войну не поддерживают ни ООН, ни Совет Безопасности:

(16) El Gobierno ha mantenido desde el comienzo de esta última crisis una postura coherente con la legalidad internacional, la defensa de los intereses de la nación y sus obligaciones internacionales, por este orden.

С самого начала последнего кризиса правительство занимало адекватную позицию по отношению к международному праву, защите интересов страны и её международных обязанностей – в таком порядке.

Политические импликатуры данного примера явно проступают в расставленных Аснаром акцентах не только на то, что его политика легитимна – а, следовательно, цели оппозиции не соответствуют нормам международного «права» – но ещё и на то, что правительство в первую очередь думает о национальных интересах, и, следовательно, международное вмешательство в интересах граждан Испании. Это ещё один политический намёк на то, что противники этой политики не работают на интересы испанских граждан. Действительно, здесь и в других фрагментах Аснар фактически подчёркивает, что оппозиция ставит себя вне мирового консенсуса – известный приём *конверсии* в ситуации, когда известно, что именно эту воинственную политику Буша и самого Аснара ненавидят практически во всём мире. Отсюда его поддержка резолюций ООН – всего лишь политическая оттоворка. В то же время, акцент на интересах страны играет также роль противовеса возможной критике, даже со стороны собственной партии, в том, что «интернационализм» может быть несовместим с «национализмом» справа и с интересами собственного народа – слева.

Игра в числа

Известная уловка в споре – это игра в числа, с которой мы знакомы по риторике, направленной против иммиграции. В речи Аснара игра в числа выполняет несколько функций, например, придания объективности и точности, а, следовательно, достоверности и, особенно, акцентирования несогласия Саддама Хусейна с международными резолюциями. Игра в числа – это также риторический приём акцентирования и гиперболы:

No ha dado cuenta del agente nervioso VX producido y no declarado (Rumores.); no ha explicado el destino de 1.000 toneladas de agents químicos que conservó tras la guerra con Irán; no ha dado cuenta de 6.500 proyectiles para carga química; no ha demostrado la destrucción de 8.500 litros de ántrax; no ha detenido la producción de misiles con un radio de más de 150 kilómetros: no ha revelado el destino de 380 propulsores de misiles con agentes químicos que fueron introducidos de contrabando en el país el mes anterior.

Он [Ирак] не отчитался по нервно-паралитическому газу VX, который производился, но не декларировался (Шум в зале); он не объяснил, куда делись 1000 тонн химических реактивов, оставшихся со времён войны с Ираном; он не отчитался о 6500

артиллерийских снарядах, снаряжённых отравляющими веществами; он не продемонстрировал уничтожение 8500 литров препарата сибирской язвы; он не прекратил производство ракет дальностью свыше 150 километров; он не сообщил, куда делись 380 двигателей для ракет, способных нести химические боеголовки, которые были контрабандно ввезены в страну месяц назад.

Очевидно, точные числа здесь значения не имеют – тот факт, что даже спустя несколько недель после оккупации Ирака ничего этого не было обнаружено, показывает, что эти числа в основном либо выдуманы, либо относятся к каким-то безвредным химикатам. Политический смысл и импликатура этой игры в числа, однако, заключается в риторике объективности и достоверности – Аснар показывает свою информированность, то, что он в курсе дела. Оппозиция в этом случае проигрывает ему, поскольку не может бросаться числами в поддержку своей пацифистской политики. В то же время, Аснар несомненно использует эти «факты» как доказательство скверного характера Саддама Хусейна, что является ещё одним аргументом в поддержку войны. Следовательно, игра в числа – пример более общей стратегии, которую можно обозначить как «фактичность». Эта стратегия играет роль не только в аргументации и легитимации, но и в контексте политического взаимодействия, а именно – сигнализирует о правдивости и точности, а, следовательно, о компетентности и достоверности. Факты как таковые большого значения не имеют: политическая цель – выглядеть внушающим доверие. То же самое можно сказать и о значительной части медиадискурса.

Консенсус

Известным политическим приёмом является консенсус (см.прим.5), то есть просьба или подтверждение того, что политика не является партизанской, а направлена на защиту государственных интересов и, следовательно, должна быть поддержана оппозицией. Так, Аснар использует эту уловку в связи с единодушно принятой резолюцией ООН № 1441, которая теперь выдвигается вместе с просьбой о поддержке действий против Ирака. Но, как и в случае с иммиграционной политикой в Испании и других странах, «угрозы» извне обычно сопровождаются призывами к национальному консенсусу. Так и здесь, когда Аснар требует национального единения в борьбе с терроризмом. Политическая импликатура этого хода в том, что оппозиция и вообще недостаточная поддержка правительственной политики фактически означает действия вопреки государственным интересам и вопреки политическому здравому смыслу – тем самым дискредитируя оппозицию. Несколько более сильная разновидность этого приёма – необходимость: у нас нет другого выбора, кроме как с честью выполнить наши международные обязательства. Это не только широко известная и эффективная семантическая стратегия, но ещё и очередная политическая импликатура: Аснар серьёзно относится к своим международным «обязательствам» и, следовательно, он – честный государственный деятель, а вот «пацифистская» оппозиция, наоборот, ничего этого не делает.

Есть целый ряд других приёмов, используемых в речи Аснара и выполняющих аналогичные функции, но приведённых выше примеров вполне достаточно для иллюстрации природы воинственной риторики и легитимации Аснаром войны в Ираке, как и для указания на релевантность понятия политической импликатуры.

Несколько слов в заключение

Хотя в этой главе невозможно уделить должное внимание всем структурам, приёмам и стратегиям, применяемым в речах Аснара перед парламентом по вопросу об Ираке, мы теперь имеем хотя бы общее представление о некоторых основных характеристиках этих выступлений. Неожиданностей в этих выступлениях немного, поскольку большинство ходов и стратегий – классика политических и идеологических текстов и выступлений, например, положительная самопрезентация и отрицательная презентация другой стороны, а также целый ряд знакомых риторических и аргументационных уловок, таких, как использование статистики или чисел, консенсус, интернационализм, обращение к авторитетам, сравнения и примеры, оправдывающие текущую политику. С теоретической точки зрения, однако, интереснее понятие «политической импликатуры», основывающееся на выводах из совокупности политических знаний и моделей текущей политической ситуации. Применительно к Испании это означает не только то, что участникам дискурса необходимо обладать общими знаниями о текущей политической ситуации в Испании, представленной в их эпизодических мыслительных моделях, но и знать контекстуальные модели, которые управляют самой речью Аснара и включающие установки, участников, цели и т.д. Эти импликатуры представляют собой политический «подтекст» этих выступлений и то, как он хочет, чтобы аудитория его понимала. Помимо этого, политические импликатуры – это то, что определяет *функции* выступления в политическом процессе и сосредоточены в основном на роли Аснара как премьер-министра и партийного лидера, а также на легитимности его правительства и его международной политики. В то же время, импликатуры выполняют функцию очернения и нападок на оппозицию в социальной сфере. Именно такой *политический* анализ выступления может внести вклад в изучение функции выступления в политическом процессе.

Список литературы:

Atlas, J. D. Logic, Meaning and Conversation: Semantical Underdeterminacy, Implicature, and the Semantics/Pragmatics Interface. New York: Oxford University Press, 2000.

Borch, F. L. and Wilson, P. S. International Law and the War on Terror. Newport, R. I.: Naval War College, 2003.

Chomsky, N. Hegemony or Survival: America's Quest for Global Dominance. New York: Metropolitan Books, 2003.

Christopher, P. The Ethics of War and Peace. An Introduction to Legal and Moral Issues. Upper Saddle River, N J: Pearson/Prentice Hall, 2003.

Daalder, I. H. and Lindsay, J. M. America Unbound: The Bush Revolution in Foreign Policy. Washington, DC : Brookings Institution, 2003.

Dinstein,Y. War, Aggression and Self-Defense. Cambridge, UK and New York: Cambridge University Press, 2001.
Falk, R.A. The Great Terror War. New York: Olive Branch Press, 2003.
Gazdar, G. Pragmatics: Implicature, Presupposition and Logical Form. New York: Academic Press, 1979.
Grice, H. P. Studies in the Way of Words. Cambridge, Mass: Harvard University Press, 1989.
Levinson, S. C. Presumptive Meanings: The Theory of Generalized Conversational Implicature. Cambridge, MA: MIT Press, 2000.
Martín Rojo, L. 'Division and Rejection: From the Personification of the Gulf Conflict to the Demonisation of Saddam Hussein'. *Discourse & Society* 6(1): 49–79, 1995.
Newhouse, J. Imperial America. The Bush Assault on the World Order. New York: Knopf, 2003.
Rodin, D. War and Self-Defense. Oxford: Clarendon Press and New York: Oxford University Press, 2002.
van Dijk, T. A. 'Principles of Critical Discourse Analysis'. *Discourse and Society*, 4(2), 1993: 249–83.
van Dijk, T. A. Ideología y discurso. Barcelona: Ariel, 2003.
Waltzer, M. Arguing about War. New Haven, CT: Yale University Press, 2004.

Перевод А.М.Аматова

Примечания:

[1] Парламент в Испании (прим. переводчика).

[2] Под импликацией здесь подразумевается не логическая операция ($p \Rightarrow q$), а семантическое следование, т.е. значения и смыслы, которые можно непосредственно вывести из того или иного высказывания. Импликатуры же следует понимать как скрытые семантические импликации, т.е. неявные следствия из высказываний (прим. переводчика).

[3] Соотв., «страх» и «оружие массового уничтожения» - исп. (прим. переводчика).

[4] Видимо, здесь всё же имеется в виду борьба с терроризмом (прим. переводчика).

[5] Жителям бывшего СССР, заставшим времена перестройки, это должно быть известно очень хорошо (прим. переводчика).